

Шувалова Ольга Алексеевна.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."

ВОСПОМИНАНИЯ О ЖИЗНИ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Война началась, когда я была в пионерлагере в Толмачёво. До этого я ни разу не была в лагере, и очень не хотела туда ехать. Там, кроме всего прочего, кормили кашами, которые я категорически не ела. Но мне очень понравилось, и мама купила путёвку на вторую смену. 21 июня началась война, 26 июня меня забрали из лагеря, а 6 июля в Толмачёво уже были немцы.

По приезде в город мы начали постепенно привыкать к военному времени. Многих людей отправляли на сооружение военных укреплений. Приводили в порядок бомбоубежища. Окна заклеивали полосками газет. Предполагали, что это спасёт стёкла от воздушной волны при бомбёжке. Ввели светомаскировку. За этим строго следили с наступлением темноты, чтобы не просвечивало ни одной полоски света в доме. На улице круглосуточно были подключены громкоговорители, которые оповещали о начале артобстрела или налёте авиации. Первое время мы ходили в бомбоубежище в нашем доме. Однажды в квартале от дома упала однотонная бомба, свет в бомбоубежище погас, все ринулись к выходу, а двери заклинило. Когда вышли, обнаружили, что все стёкла в окнах выбиты, входные двери в квартиры распахнуты – такая была сильная взрывная волна. Этот эпизод был настолько неприятным, что больше мы в бомбоубежище не ходили. Жили в большой квартире на 12 комнат, и во время бомбёжки

выходили в большой коридор, считая, что прямое попадание бомбы не спасёт и в бомбоубежище.

Мне было 14 лет, я стала дежурной у ворот своего дома. В то время дворы в домах были непроходные, поэтому за всеми входящими и выходящими наблюдали.

Не помню, когда ввели карточки на хлеб. Сперва, нормы были большие, и моя семья из 4х человек даже не выкупала эту норму. В дальнейшем мы очень жалели об этом, потому что можно было засушить сухарей впрок.

Всем предлагали покинуть Ленинград. Город заметно опустел: все, кто мог, уехали к родственникам. Учебный год начался 15 сентября. Из семи классов набрали один неполный класс. Некоторые из одноклассников на лето уехали на Украину и в Белоруссию, и я с ними больше никогда не встречалась...

С сентября начали сбрасывать зажигательные бомбы, и ребята, которые ещё оставались в городе, при каждом налёте дежурили на крыше, и неоднократно спасали дома от пожаров, скидывая зажигательные бомбы с крыши на улицу. Чердаки красили противогорючей смесью, но это мало помогало. По ночам моя мама тоже дежурила на крыше.

Самое тяжёлое время блокады – зима 1941/42го: в декабре отключили электричество, замёрз водопровод. Стало очень холодно, дров не было, подвал был переоборудован под бомбоубежище. В эти самые суровые месяцы и жизни толком не было. Ложились спать, кутались. По утрам мама ходила за хлебом, вставала в 6 утра, стояла в очереди. Я ходила за водой на улицу Декабристов. Брала саночки и на них везла ведро с водой, которую набирали из люков.

В это время мне посчастливилось, и я получила билет на новогоднюю ёлку в Михайловский Театр. Нам показали спектакль «Овод», но главного героя, которого играл Толубеев, не было. Толубеев уже был эвакуирован. А после представления нас накормили! Это было самое главное на ёлке. Дали суп в глиняных горшочках с куском хлеба, кашу и компот.

Мама работала на заводе Карла Маркса, где сумели изготовить печурку-буржуйку: стало возможным что-то приготовить и согреться. Мы жили в комнате 41 квадратный метр, буржуйка не могла прогреть её всю, и мы жили в одной части комнаты, возле буржуйки. На окнах образовывался слой льда, который мы использовали для хозяйственных нужд.

31 декабря 1941 года отец пошёл за карточками и всё не возвращался. Мы очень волновались, ходили его искать, но безрезультатно. Несколько дней спустя он нашёлся в Максимилиановской больнице. Когда мы его навестили, он передал нам карточки – умудрился как-то их сохранить! Но в январе ничего кроме хлеба по ним не давали. Было даже два дня, когда и хлеба не привозили – было очень тяжело.

До войны мне очень хотелось прочитать «Трёх Мушкетеров» и перед блокадой мне удалось достать эту книжку в школьной библиотеке. Я пыталась читать её вовремя блокады, но не могла – интереса уже не было.

Отчаяния не было. Было только очень холодно и голодно. Нас поддерживали передовицы Ильи Эренбурга и выступления на радио поэтессы Ольги Берггольц.

В феврале была организована раздача еловых веток, и мы делали из них витаминный настой. Продукты появились только вместе с Дорогой Жизни. Люди умирали от голода, и даже не было сил хоронить их на кладбищах – трупы, закутанные в простыни, оставляли на улицах. В каждом районе были морги, куда доставляли трупы с улиц и из квартир. В моргах их сжигали. Особенно много сожгли с января по март.

Учёба в школе прекратилась в октябре, в январе в школу ходили регулярно за одним литром супа – жидкость, где на дне плавали несколько горошин. Это тоже было ценностью: мама что-нибудь туда добавляла, и это была наша еда. Соседи помогали друг другу, кто-то делился дурандой – спрессованной соей, жмыхами и проч.

Одна из соседок работала на фабрике Бебеля, где было кожгалантерейное производство, и приносила обработанные чем-то шкурки: без шерсти, но твёрдые, как картон. Мама вымачивала их несколько дней, а потом варила студень.

Работающим на заводах выдавали еловые ветки, из которых мы делали витаминный чай: заливали кипятком и настаивали.

В то время, когда война уже началась, тётя надоумила нас купить зелёного кофе и уже позже, в блокаду, мы его жарили, затем мололи и варили кофе. И из этого спитого кофе мама делала лепёшки. Не знаю, как ей удавалось делать так, чтобы они не рассыпались, но это были настоящие лепёшки. Так мы и питались. Паёк хлеба всегда строго делили на три части и съедали по кусочку утром, днём и вечером.

Многие люди были отпущены с работы на всю зиму (моей маме нужно было бы идти через весь город, а сил не было), а остальные работали на казарменном положении, домой не отлучались.

В марте город начал оживать. Прежде всего, благодаря возобновлению работы трамвая. Заводы и фабрики стали работать активнее. Шли концерты в Филармонии, работал Театр Музыкальной Комедии. С теплом начались занятия в школе, но многих учителей не досчитались. Табель с оценками за седьмой класс я получила, но без аттестации по некоторым предметам.

Летом 1942 года я устроилась учеником киномеханика в кинотеатр «Москва». Благодаря этому я получала рабочий паёк, который уже давал возможность существовать. Затем в течение учебного года я работала в подсобном хозяйстве Кировского завода в Токсово, где выращивали овощи и они поступали в столовую Кировского завода.

Осенью 1943 года, после годового пропуска, я вернулась в школу в 8 класс. В это время в Октябрьском районе, где я жила, была одна школа для девочек и одна для мальчиков. Наша школа помещалась в особняке Лобанова-Ростовского, в доме со сторожевыми львами при входе, недалеко от Исаакиевского собора. Мы сами пилили дрова для отопления школы, весной вскопали грядки в Александровском Саду. На лето уехали в лагерь, где работали на полях. Во Дворце Пионеров начали работать кружки, мы принимали участие в различных соревнованиях.

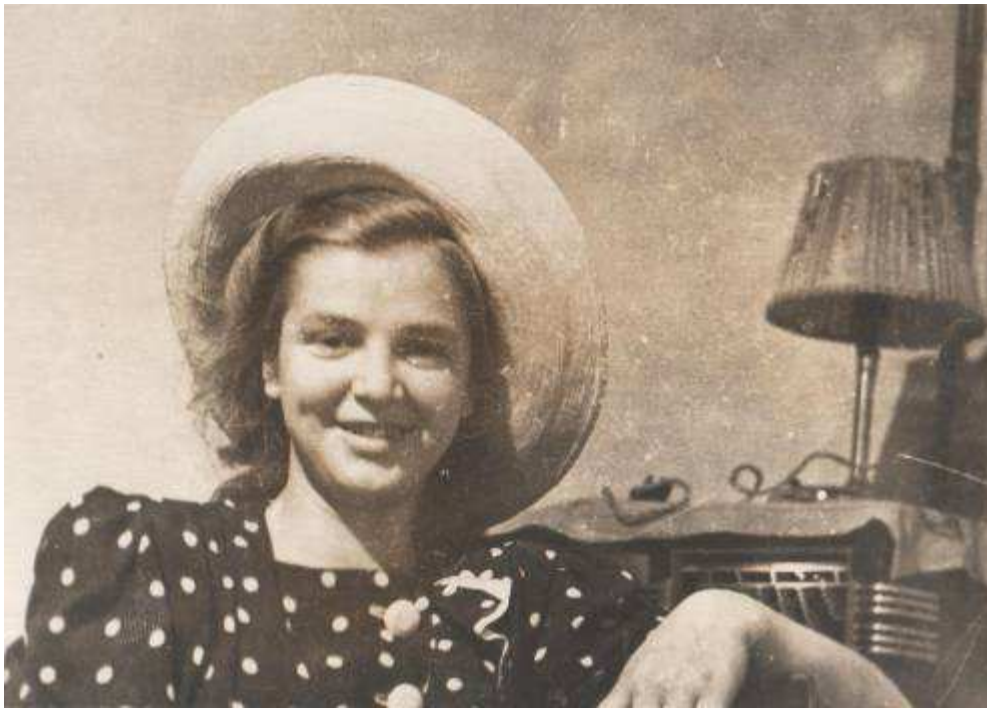
Однажды у нашей соседки произошла большая неприятность – у нее вырвали из рук карточки на питание. И мама советовалась с нами: сможем ли мы ей помочь? И потом 10 дней, до выдачи следующих карточек, мама кормила супом соседку и её сына. Это помогло им выжить и после блокады они маму очень благодарили.

День снятия блокады запомнился на всю жизнь. За неделю до снятия блокады, не прекращаясь ни на минуту, шла стрельба из орудий, небо было, как при пожаре. Было жутко, мы не знали, чем всё это закончится. А 27 января объявили о снятии блокады Ленинграда. По этому поводу был такой салют, какого я больше никогда не видела. Стреляли с кораблей, с Петропавловской крепости, со всех точек, где были установлены зенитные орудия. Стреляли так, что в окнах трескались немногие оставшиеся стёкла..

В 1944 году, после снятия блокады, жизнь налаживалась, многие стали возвращаться в Ленинград. 29 января 1944 года я была награждена медалью «За оборону Ленинграда», за время работы в кинотеатре «Москва» в 1942 году.

На улицах из рупоров доносились сообщения о повышении норм выдачи хлеба, масла. Все очень радовались таким сообщениям.

Как-то в конце войны наша учительница устроила нам с классом поход в Филармонию. Потом и после войны мы ходили туда, и она постепенно приучила нас к таким культурным походам.

На Дворцовой площади начали устраивать танцы, там играл оркестры. Исполняли вальсы, военные песни. Мои подружки ходили на танцы в морское училище, многие потом вышли замуж за военных.

Хочу рассказать, что ещё оставила мне война. Я почти никогда не вижу снов, а когда это всё-таки происходит, то я вижу налёты бомбардировщиков на город.

Воспоминания записала и оформила

Кристина Шаткова

2012-2013гг